

ВОЛНА

ДУХ РАЗРУШАЮЩИЙ
— ДУХ СОЗИДАЮЩИЙ

ОТ
КАЖДАГО ПО
СПОСОБНОСТЯМ
И
КАЖДОМУ ПО
ПОТРЕБНОСТЯМ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ
АНАРХО-КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГРУПП

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1) Нельзя молчать,
- 2) Борьба на смерть — не на живот,
- 3) Наше отношение к рабочим и крестьянским союзам — П. Кропоткин.
- 4) Интеллиг. и рабочие. — Автономов.
- 5) Из Петефи (стих.)
- 6) Об Интернациональном Анархическом Конгрессе.
- 7) Возражения Анархизму. — Дж. Баррет.
- 8) Один из многих. — И. Б.
- 9) Корреспонденция — Резолюция.
- 10) **Свободная трибуна:**
 - а) Ответ на возражение. — В.
 - б) Ответ Новомирцам. — Вид.
- 11) Отчеты.

НЕЛЬЗЯ МОЛЧАТЬ

На пути к осуществлению своих заветных мечтаний о Свободе, Счастье и Любви, в каждом своем проявлении, человечество сталкивалось с Собственностью, Властью и Религией, — этой проклятой троицей, этим уродливым отклонением от всего человеческого и разумного. Сосредоточение собственности в руках немногих обрекало громадное неимущее большинство на нужду, лишения и страдания; Власть защищала право собственности, право установленного, и грубо подавляла всякое стремление личности выйти из под ее опеки, или подорвать устои права и законов, созданных для защиты благополучия немногих привилегированных, сурово карая за “преступление” против них; Религия же являлась дымной пеленой, которая прикрывала и прятала от пытливого взора наглость, ложь и обман, сильных глупостью и невежеством масс, хищников и паразитов.

Как пойманная птица бессильно бьется крылом о решетки клетки, — так билось человечество в силках рабства, крепостничества и бьется до сих пор в мировой тюрьме капитализма; и только лишь с уничтожением всех трех институтов насилия, эксплуатации и рабства возможен иной, лучший строй, ибо каждый один из них порождает другие, каждый один является воплощением всех трех.

Революции 1917-го года в России всколыхнули всеобщую радость, подняли крылья надежды у экономических и политических беглецов здесь в Америке, и, с искренней верой в победу, надеждой на счастье, все, что было

революционного, сознательного потянуло назад в Россию; все разнородные элементы, все теории и идеи объединились в одном могучем порыве свергнуть самодержавие, а затем и капитализм.

Самодержавие пало, буржуазии нанесен смертельный удар и обаяние религии, в лице православной церкви, подорвано.

Крестьяне располагаются на экспроприированной земле, а рабочие под руководством выбранных из своей среды фабрично-заводских комитетов налаживают разрушенное войной и подорванное революционным подъемом производство.

Контр-революция повсеместно подавляется самими рабочими и крестьянами.

Власть, захваченная Большевиками, бессильна распространить свое влияние. Слухи об угрожающей интервенции, появление ее позади банд контр-революционеров еще более спаивают все разнообразные элементы в революции. После героических усилий интервенция и, поддерживаемая ею, контр-революция — поражены...

Но в это время, когда все внимание было обращено на защиту революции, призрак ужасного прошлого, чудовищные институты собственности и власти снова, хотя и в новой форме встали перед удивленным взором всего революционного мира. Собственность и Власть закружились, тесно обнявшись, под музыку социалистического государства, и даже религия подняла свою голову и снова нагло предлагает свой

опиум усталым, разочарованным, обманутым рабам.

Революционное-Советское — Большевицкое-Коммунистическое правительство, пресловутая "Диктатура Пролетариата" всей силой своей навалилась на вечного козла отпущения, трудовой люд: рабочих и крестьян, и, во имя революции, во имя спасения отечества, требовала и выколачивала из этих пасынков общества все, что нужно было для ведения войны и содержания правящих паразитов.

Значение и функции фабрично-заводских комитетов были сведены на нет. Для руководства производством всюду были поставлены назначенцы, "диктаторы — управляющие;" труд физический занял последнее место в распределении наград за услуги государству, пищевой паек расходующего свою мускульную энергию рабочего был урезан в пользу, так называемых, "спецов," т. е. ученых, инженеров, мастеров и вообще специалистов, белый хлеб — для белой кости и черный, пополам с мякиной, — для черной. Был издан целый свод законов о труде, введших принудительный труд, дисциплинарные суды, насильственное распределение рабочих по заводам и фабрикам и "узаконивших" всякого рода насилие и эксплуатацию рабочих государством. Крестьянство разорялось реквизициями, т. е. насильственным отбиранием продуктов их труда по такой расценке, что по словам одного из крестьян "за год работы на фунт соли не достанешь." Всякое сопротивление рабочих подавлялось армией, полицией и каралось судами, а для целей реквизиции содержалась многочисленная армия.

Многие находили все эти дисциплинарные действия необходимыми в революционный период; многие верили, что "революционное" правительство приведет их (а большевики всеми си-

лами старались укрепить это мнение) к долгожданной свободе и довольству. Лишь одно течение мысли, анархическое, критически относилось к устанавливающейся форме собственности и власти в России, зная, что не в форме, а в сущности этих учреждений заключается все зло. Если идеи Анархии не были проведены в жизнь революцией, благодаря их малораспространенности, то, при всеобщем недовольстве новым порядком, идеи добровольного сотрудничества людей стали быстро восприниматься народными массами. Еще в середине прошлого года "Коммунистическое" правительство почувствовало, что волна недовольства растет в среде рабочих, растет и разруха в стране, и начало изыскивать причины опасного недовольства и средства избежать опасности. Начались дискуссии о значении и роли профессиональных союзов в экономической и политической жизни страны. В брошюре "О роли профессиональных союзов" (только для членов Р. К. П.) в докладах Зиновьева, Троцкого, Ленина, Бухарина, Шляпникова и других, перед нами выпукло встает русская действительность и обнаженная, внутренняя сторона правительственной машины. В пылу споров 30-го декабря прошлого года, почтенные "вожди" показали всю безобразную структуру насилия, все бессилие правительства справиться с экономической разрухой без помощи и убийств ими же рабочих союзов, их желание быть у кормила власти, не поступаясь и пядью. Зиновьев приводит выдержку из доклада члена Ц. И. К., сторонника клики Троцкого, Гольцмана, которой до последнего времени определялась вся внутренняя политика правительства, где Гольцман предлагает: "способ принуждения, способ реальной политики, который не останавливается ни перед какими методами поощрения

рабочих, так и методами принуждения, беспощадной палочной дисциплины по отношению к рабочим массам, которые нас тянут назад.” Допуская и метод пропаганды, Гольцман продолжает: “Но вместе с тем, мы должны решительно бороться с тем, чтобы по отношению к отсталому элементу применять беспощадный метод террора, оставить вагоны с решетками, которые функционировали и раньше, против которых могут выступать лишь отдельные товарищи. Мы не будем останавливаться перед тем, чтобы применять тюрьмы, ссылку, каторгу по отношению к людям, которые неспособны понять наши тенденции.”

Эта выдержка говорит за себя и не нуждается в пояснениях, ибо даже при всей боязни членов партии проявить какое либо чувство или оригинальную мысль в зале раздались крики: “Позор.”

Шляпников, выступавший от профессиональных союзов, “рабочей оппозиции,” так обрисовал положение дел в производстве: “Мы лишены возможности инициативно и полезно в каждом случае воздействовать. Нам говорят, ссылаясь и на резолюцию 9-го съезда и на резолюцию 3-го съезда профессиональных союзов, что это не ваше дело, не вмешивайтесь, а смотрите, что мы делаем. И теперь создается на заводах такое положение, при котором все неприятное в организации труда, как борьба с прогулами, подтяжка рабочих, — все касающееся тарифной политики, — всем этим ведает заводской комитет. В наше время бедности это самые страшные и неприятные вопросы. С другой стороны — все, что касается благоденствий, находится у заведующего, уполномоченного, или уграбляющего предприятие, и перед глазами рабочих получается такая картина, что заводский комитет, который они

выбрали, есть “бьяка,” что он занимается преследованием рабочих, а управляющий является благодетелем: он иногда и паек может увеличить, и жалованье прибавить, и премию дать и т. д. А некоторые чрезвычайные и особенные уполномоченные возят с собой и вагоны мануфактуры, и часы, и жилетки, и раздают их по своему усмотрению. Одним словом идет такой разврат, что от союзной политики не остается и следа.”

На десятом съезде Р. К. П. “Рабочая оппозиция” была сломлена подкупом Шляпникова, назначением его на высший пост, а Колонтай была осмеяна замечками по поводу ее частной жизни; но, как видно из речи Ленина, в которой он указывал на опасность и призвал к немедленному погрому на Анархистов, опасность еще оставалась. Ленин так определял положение: “Платформы, которые иногда назывались” платформами рабочих оппозиций, а иногда и как-нибудь иначе, оказалось представляли явно синдикалистический уклон” и многие, желая” помочь пролетарской партии, пролетарской диктатуре, пролетарскому движению, на деле помогают мелко-буржуазной анархической стихии, которая не раз в течение революции показывала себя, как самого опасного врага пролетарской диктатуры. А теперь — и это основной вывод и урок текущего года, — она показала себя еще раз (наверное в Кронштадском восстании, подумал Лени, но не сказал), как враг самый опасный, больше всего могущий иметь сторонников и поддержку в стране, могущий изменить настроение широких масс, перебрасываться даже на часть беспартийных рабочих.” “Не страшен был бы небольшой синдикалистский или полуанархический уклон — партия быстро и решительно его осознала бы и взялась бы его исправлять.

Но если он связан с гиганским преобладанием в стране крестьянства, тогда не время спорить о теоретических уклонах." Так говорил Магомет Большеви́ков; и если правительство до сих пор лишь кое-где нападало на и громило анархические клубы и организации, если Анархисты расстреливались и заключались в тюрьмы, и "Советскому" правительству надо было лгать и оправдывать себя в этих поступках, дабы сохранить на себе революционную маску; если ему нужно было нагло и подло лгать в лицо всему революционному миру в том, что зверски подавленное им Кронштадское восстание, лучших и чистейших революционных сил России, было белогвардейским, — лишь бы скрыть свою собственную реакционную личину; если до сих пор нужно было распинаться в оправдывании соглашательской политики с капитализмом (концессий, заискиваний и договоров) — то в настоящее время маска скинута, и перед нами, вместе с бывшими революционерами, проходят комиссары — чиновники с харями монархистов, буржуев и пройдох всякого рода и сорта; то после сигнального выстрела пушки Ленина на 10-ом конгрессе партии, вся эта банда с свирепой яростью набросилась на анархистов и других истинных революционеров, избивает и заточает их в тюрьмы, замечает всякие следы их работы в прошлом и не дает возможности вести революционную пропаганду в настоящем.

Правительственная реакция в полном разгуле!...

Политика сурового подавления "идейных" противников и "реальная" политика Ленина (цепь хитросплетенных уступок и прибираний к рукам) по отношению к массам; экономическое облегчение давления на проф. союзы и политическое их закрепощение, уступка капиталистическому миру допу-

щением свободной торговли, освобождение спекулянтов и водворение на их место в тюрьмы анархистов, замена реквизиции определенным налогом, из опасения недовольства крестьян при частом столкновении с реквизирующими — вот плоды оставшейся в живых Власти и Собственности.

Вот почему мы, здесь в Америке, слышим протесты и воззвания о помощи наших товарищей анархистов и других левых революционеров, вот почему все чаще и чаще раздаются голоса протеста честных людей всех наций против лицемерия "Диктатуры Пролетариата," введшей в заблуждение пролетариат всего мира.

Вот почему мы боремся против диктатуры Большеви́ков, прикрывшихся фиговым листком "Диктатуры Пролетариата," как и против всякой другой формы власти.

Вот почему мы против центральной власти, душащей всякую инициативу с мест и бессмысленно топчущей всякое проявление жизненности и дееспособности низов.

Вот почему мы осуждаем метод принуждения и "палочной дисциплины" — убивающей всякое желание труда, понижающей производительность и не приносящей желательных результатов: ни улучшения экономического положения ни рабочих, ни страны.

Мы протестуем против зверских преследований, избиений и заточений наших товарищей — братьев анархистов и всех истинных революционеров и требуем их немедленного освобождения.

Мы протестуем против закрытия границ для рабочих, вообще, и, в особенности, для анархистов: в то время, как рабочие и крестьяне России, рассеянные по всему свету терпят нужду и голод в виду безработицы, им закрыт доступ к родным полям и фабрикам России, а представители капитализма

и буржуазная интеллигенция, готовая служить нашим и вашим, беспрепятственно впускается.

Мы заявляем наше сочувствие революционному народу России в его страданиях и братски протягиваем ему руку помощи: ибо их дело есть наше дело.

Мы заявляем свою солидарность с нашими товарищами анархистами в России и приветствуем их в бескомпромиссной борьбе за идеал Свободного Общества, продолжение и углубление

революции.

Мы выражаем уверенность, что революционные массы России не позволят ни внешней, ни внутренней реакции, ни большевистской диктатуре задупить начатую Социальную Революцию, и, свергнув настоящее правительство, как и правительство Керенского, установят не какую-либо новую форму диктатуры, а добровольную федерацию производителей и потребителей на основе и неперменном условии: Свободы каждого, Равенства и Довольства всех.

— 0 —

БОРЬБА НА СМЕРТЬ — НЕ НА ЖИВОТ.

Борьба на смерть—не на живот,

Ни слова о пощаде:

Пусть один из нас падет

Не уступлю ни пяди!

Довольно слез, тоски.. я прав,

Я цену жизни знаю.

Однажды цепи разорвав,

Я вновь их не желаю!

Враг силен, да! Но не ему

Достанется победа!

Я свет несу, он сеет тьму —

И не оставит следа.

С. Т.

— 0 —

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНСКИМ СОЮЗАМ.

Доклад П. Кропоткина на Съезде Анархистов -Коммунистов, в 1906-ом году.

Среди рабочих всего мира происходит в настоящее время глубокое движение, с целью объединить рабочих различных ремесл в обширные профессиональные союзы, и положить основы обширных международных организаций, охватывающих, как отдельные отрасли труда (углекопов, ткачей, грузчиков в доках и т. д.), так и национальные федерации рабочих — вне существующих политических партий, в том числе и социалдемократической.

Стремление восстановить Международный Союз Рабочих, ведущий прямую, непосредственную борьбу труда против капитала — не через Парламент, а непосредственно, всеми до-

ступными рабочим, и одним рабочим, средствами, проявляется в настоящую минуту с новою, поразительною силою.

Рабочие Западной Европы и Америки начинают замечать, что социальная революция, которой они ждали в конце 60-х годов и ради которой они основали Интернационал, отдалается все более и более, по мере того, как дело борьбы Труда с Капиталом переходит в руки политических партий, которых и теория, и практика ведут только к уничтожению революционной энергии пролетариев и, сохраняя имя “классовой борьбы”, только приучают рабочих мириться с эксплуатацией капиталис-

тами.

Рабочие Западной Европы понимают, кроме того, что при первой попытке установления будущего строя, — будь то в деревнях, среди крестьян, или в отдельном городе, или в области, об'явивших коммуны, — дело организации коммунистической жизни и производства на общих началах непременно выпадет на долю рабочих союзов, которые одни могут взять на себя громадное дело перестройки промышленности в интересах всего общества.

Вследствие этого, как в Западной Европе, так и в Соединенных Штатах Америки усиливается с каждым годом движение, так называемое **синдикальное**, которое состоит в том, что рабочие спланиваются между собою в профессиональные союзы, с целью прямой борьбы, прямого воздействия (**action directo**) против капитализма и капиталистов.

Понимая всю важность такого движения, часть наших западно-европейских товарищей анархистов посвятили себя вполне, за последние 10-15 лет этой организационной работе, и в настоящее время анархисты настолько заслужили доверие об'единенных в синдикаты товарищей рабочих, что в латинских странах — Франции, Испании, Французской Швейцарии и отчасти в Италии — они являются уже серьезной революционной силой среди рабочих союзов. *)

В то время, как социалдемократы смотрят на рабочие профессиональные организации как на подспорье для политической борьбы, которую они ведут в парламентах за власть, анархисты смотрят на рабочие союзы, как на ячейки будущего социального строя и как на могучее средство для приготовления такого общественного переворота, который не ограничи-

вался бы одною переменою правления, а также перевернул бы современные формы хозяйственной жизни, т. е. распределение производных богатств и способов их производства.

Организация рабочих в профессиональные союзы еще молода в России, но уже начинается серьезное движение для образования обширных рабочих организаций и рабочие уже успели доказать свою силу.

Что такое понимание сил рабочих союзов — верно, уже доказывает опыт Русской революции. Рабочее движение в январе 1905 года в Петербурге, всеобщие стачки в Польше в мае и всеобщая стачка в октябре того же года, и крестьянские восстания, начавшиеся с 1904 года, уже оказались более могучими силами в русской революции, чем больше подвинули дело русской революции, чем все остальные силы вместе взятые.

При этом они поставили русское революционное дело на новое основание.

То, что уже достигнуто русской революцией, есть дело не той или другой политической партии. Оно — плод самопожертвования, прежде всего рабочих масс. И уже вследствие этого есть полное основание надеяться, что русская революция не ограничится простою переменою формы правления, а сделает хотя первые шаги по пути экспроприации земли и обобществления промышленного капитала.

Для пробуждения среди рабочих и крестьян понимания их собственной силы, их решающего голоса в революции, и того, чего они могут достигнуть в своих интересах, — русские анархисты, если они поймут эту свою задачу, могут оказать громадную пользу.

С созывом Думы, в которой собираются принять деятельное участие державшиеся до сих пор революционной тактики русские социалдемократы и социалисты-революционеры, революционные силы начнут все более и более отвлекаться на созидание буржуазно-конституционного строя. И тут рабочим и крестьянским организациям предстоит выступить, как сила, борющаяся за свои рабочие права и в виду достижения каких нибудь действительных эконо-

*) Что предыдущие слова были верны — доказал французский конгресс рабочих в Амьене, на котором решения, предложенные социалдемократами были забалотированы неволевым большинством, а решения предложенные анархистами были приняты почти единогласно. Ред.

номических результатов от теперешней революции.

Только то, что крестьянам и рабочим удастся осуществить теперь, во время революции — прямым действием, а не через парламент, — только то и будет достигнуто русской революцией.

В виду этого на русских анархистах лежит великая обязанность. Пора теоретических рассуждений в отдельных маленьких группах прошла. Мы выработали свои идеалы и цели, мы сложились, как люди, воодушевленные общию целью и согласившиеся в общих чертах относительно способов действия. Но жизнь быстро идет вперед и требует от нас большего: гораздо большего даже, чем отдельные акты героизма в борьбе с капитализмом и его защитниками в правительстве. Она требует от нас деятельного вмешательства в жизнь крестьянских и рабочих масс.

Нам говорят иногда, что городских рабочих организуют социал-демократы, а крестьян организуют социалисты-революционеры. Но помимо того, что и та и другая партия захватили лишь незначительную часть рабочих и крестьянских масс — первые по преимуществу среди рабочих в западной полосе России, а вторые среди крестьян в некоторых лишь губерниях России, — и что громаднейшие массы рабочих, как в Петербурге, так и в Москве, организовались независимо от той или другой партии, — нужно помнить, что и те и другие организации имеют в виду особые цели. Как только в России утвердятся народное представительство на более широких началах, они намерены окунуться в парламентскую деятельность. А это будет смертью революции, если крестьяне и рабочие дадут себя уговорить в том, чтобы ожидать изменения общих экономических условий от Парламента, а не от своих собственных действий.

Обязанность анархистов — быть среди рабочих и не давать политическим партиям эксплуатировать рабочее движение в пользу парламентского постепенства. Им предстоит — проводить в рабочую среду революционную

мысль, с тем, чтобы из крестьянских и рабочих союзов создать силу, которая могла бы сама приступить, на деле и на месте, к планомерной массовой экспроприации.

На практике, перед анархистами выступает всегда вопрос: вступать ли в рабочие союзы, уже существующие, или же стремиться создавать новые синдикаты, анархического характера?

Наши западно-европейские товарищи не проводят никакой определенной программы в этом отношении, и в каждом отдельном случае руководятся данными места и времени, а также личными склонностями каждого из них. Некоторым товарищам удавалось создавать и Испании и во Франции, и даже в Лондоне, синдикаты, которые хотя и не включали значительных масс рабочих данного ремесла, а ограничивались лишь небольшим числом их, — оказывали, однако, своим почином и активной деятельностью глубокое влияние на всех рабочих своего ремесла. Находясь всегда впереди, во всякой стачке, и выказывая организаторские способности, им удавалось приобретать серьезное влияние в своей среде и даже в федерациях синдикатов.

Другие вступали в существующие рабочие союзы и вскоре приобретали в них такое влияние, что становились вдохновителями своих товарищей по ремеслу, отвлекая их от политиканов, постоянно стремящихся наложить руку на ремесла, и вносили в рабочую среду революционную мысль.

Третьи, наконец, и это было большинство, в особенности в Испании, оставаясь членами анархических групп, работали над основанием беспартийных рабочих союзов и, заслужив доверие товарищей по ремеслу, достигали того, что эти рабочие союзы шли рука об руку с анархистами, поручали ведение своих профессиональных газет анархистам и, как показал опыт, оставались заодно с анархистами, даже в такие минуты, когда преследования правительства доходили до крайних пределов.

Мы думаем, что не следует применять по этому вопросу резко определенного решения,

раз навсегда. Одно только можно сказать, что если рабочий союз требует от своих членов признания социалдемократической программы, то тут анархисту, конечно, делать нечего, и ему приходится основывать новые, хотя и меньшие, свободные рабочие союзы того же ремесла.

Анархист, проникнутый сознанием, что рабочие союзы представляют собою силу будущей организации, а в настоящее революционное время уже заявили себя силою революционной, обыкновенно сам найдет, в связи с товарищами, ту форму деятельности среди рабочих союзов, которая наиболее согласна с его складом ума и темпераментом. Ему следует только никогда не терять из вида, что рабочие союзы не должны никогда быть орудием политических парламентских партий; что их

назначение — прямая борьба с капиталом и его охранителями в государстве, а не компромисс с ними в Парламенте. Их цель не замыкать отношений между эксплуататорами-капиталистами и рабочими путем фиктивных уступок, а стремиться к уничтожению капитализма и к реорганизации политической жизни на основах соглашения между вольными рабочими союзами.

Имея эти цели всегда в виду — не для введения только в первые теоретические пункты программы, а для проведения в самой жизни, — анархисты, работающие в синдикатах никогда не рискуют затеряться в них и обратиться в орудие политических буржуазных партий.

— 0 —

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РАБОЧИЕ,

Будет время когда анализирование вопроса, "интеллигенция и рабочие," столь-же будет смешным и забавным, каковым в наше время являлось-бы разбирание значений собственных существительных: Иван, Степан. Но, пока еще это время не достигнуто, вопрос приходится представлять в таком виде, в каком он есть.

При первом взгляде на структуру современного общества, становится видным, что интеллигенция и рабочие если и не являются крайностями, то во всяком случае во многом разнящимися, и далеко расходящимися явлениями. Но разве они в этом виноваты? Разве интеллигент виноват, что он—интеллигент, или, разве рабочий виноват, что он—рабочий? Кто скажет, что да! Не интеллигент, и не рабочий здесь виноваты, а виновата прежде всего вся нынешняя система; а отсюда уж естественно вытекает, что виноват тот, кто поддерживает эту систему, будь он рабочий, или интеллигент. Если взять малень-

кого ребенка—будущего интеллигента, и такого-же, ребенка — будущего рабочего, и поставить их в одинаковые условия жизни, и дать им одинаковое воспитание, то между ними не окажется никакой многозначашей отличительности. Если и будут одарены они природой неодинаковыми способностями, то нельзя-же утверждать, что преимущество будет непременно на стороне интеллигента, а не на стороне рабочего. Следовательно, далеко неразумно предполагать, что интеллигенция—это что-то, награжденное самой природой высшими интеллектуальными способностями, а рабочие вместо интеллектуальных способностей выносливыми мускулами. Такое понимание противоречит действительности, несмотря на то, что оно слишком, и даже очень слишком, распространено в современном обществе. Природные назначения, как интеллигента, так и рабочего — одни и те же; их отправительные функции, есть прежде всего функции человека, а не каких-

то классифицированных существ, и находишься они в одинаковых условиях жизни, они и были-бы одинаковыми. Но коль скоро один из них с самой колыбели попадает в ляжку непосильного труда, а другой на школьную скамью, само собой разумеется, что следствием первого является, как внешняя, так и внутренняя грубость, а следствием второго, как внешняя, так и внутренняя утонченность; что явствует, что виною всему тут жизненные условия, правильнее говоря, основа современного строя. Нужно только уничтожить подобную основу,—и вопрос разрешен. Поэтому-то, поскольку она разрушает вредные условия, она — полезна рабочим и поскольку она отстаивает этот строй, постольку она—вредна рабочим. Другого вывода быть не может!

Защитники интеллигенции указывая на то, сколько погибло на эшафотатах, сколько гнило в тюрьмах, сколько томилось в Сибири интеллигентов за народное дело, тем самым хотят подчеркнуть, что рабочий класс должен благоденствовать пред интеллигенцией, как пред целым. Бесспорно, рабочие должны очень низко поклониться в этом интеллигенции, но если согласиться, не разбираясь с подобным суждением, тогда рабочим в “други своя” придется взять и аристократию, так как и из ее среды тоже выходили борцы за рабочее дело. К тому-же один поверхностный взгляд на борьбу далеко не исчерпывает ее значения. Если брать борьбу, как критерий, то нужно знать ее не только как борьбу, но и сущность этой борьбы; нужно знать чего ради борются интеллигенты с империализмом и капитализмом. Если-же уяснить в долженствующем счете последнее, то в “други” к рабочим из среды интеллигентов попадут очень немногие. Ведь нельзя-же Брешковскую и ей подобных назвать борцами за интересы рабочих!

Заслуга интеллигентов главным образом заключается в том, что они, будучи развиты интеллектуально, формулируют ту мысль, которая рождается в умах рабочих под шум машин, и под стук кирки и лопаты, но которую, будучи в большинстве случаев с одними лишь природными познаниями, рабочим трудно в долженствующем виде кристаллизировать; и в том, что они (интеллиген.) рабочий вопрос на не-предложных данных обосновывают, как исторический акт. Словом, интеллигенция во многом помогает рабочим более правильно уяснить свое истинное положение в настоящем, и свое истинное назначение в будущем; последнее служит как-бы путеводной звездой в стремлении рабочих, или, как это принято называть, идеалом. Вот почему тот идеал, за который борются рабочие, родился (вернее, был оформирован) не в умах самих рабочих, а в умах интеллигенции; но из этого не может быть правильным утверждение, что революционерами всегда являлись, только интеллигенты, а не рабочие. В истории революционности, проснувшиеся рабочие ничуть не уступают интеллигентам, даже в таких актах, как террор. Правда, где требуется применение знаний, там рабочие не могут быть равны интеллигентам, но где требуется выносливость и отвага, там борец-рабочий на первом месте! Нужно только разбудить рабочего, нужно только в его смутное понимание влить истинное положение вещей, нужно только вызвать к жизни ту потенциальную силу, которая хранится в рабочем, и тогда рабочий неустрашим. В этом именно месте многие и пытаются утверждать, что рабочий своим пробуждением обязан главным образом интеллигенции. Быть может и так. Нельзя отвергать того значения, какое имело “хождение в народ.” Но если уж приняться счи-

тать обязанности, то нельзя быть односторонним; нужно взвесить это с той и с другой стороны. Если рабочий обязан интеллигенту, то не обязан ли интеллигент в чемнибудь рабочему?

Например, когда интеллигент учился, когда он познавал все новые и новые истины, рабочий в это время тоже не сидел сложа руки, а добывал хлеб, которым интеллигент питался, делал одежду в которую интеллигент одевался, вырабатывал бумагу, на которой интеллигент писал, и т. д. Словом, доставлял все те предметы, при наличии которых интеллигент мог спокойно развиваться. И разве тут интеллигент не обязан столько-же рабочему, сколько и рабочий ему; разве он не должен поделиться с рабочим своими знаниями? Должен, и очень должен! Если-же он этого не желает сделать, он не достоин названия, которое он носит; он уже не человек, он—лицемер, ханжа, он кичится своим знанием, которое он приобрел быть может за счет рабочего; и с такими интеллигентами у рабочих рано или поздно осложнение неизбежно. Подобная интеллигенция, если и выступает против капитализма, то делает это не ради торжества общего идеала равенства и братства, а для того чтобы, свергнув капитализм, самой стать госпожей положения. И ее апеллирования к рабочим могут объясняться единственно тем, что будучи сама не в силах справиться с капитализмом, она вынуждена искать помощи со стороны, которую легче всего найти в среде рабочих.

Последние события все ярче и ярче подтверждают, что преобладающий элемент интеллигенции принадлежит к подобной марке. Но следует-ли из этого, что рабочие должны окончательно отмежеваться от интеллигенции? Если и следует, то рабочие этого не могут сделать уже потому, что они не могут

оставаться на таком уровне развития, на котором они находятся сейчас. Рабочие слишком бедны в смысле знаний, а поэтому им необходимо использовать интеллигенцию, хотя бы это стоило им значительной цены. Но в тоже время рабочие по возможности должны избегать политических организаций, где на них всегда будут выезжать политиканствующие интеллигенты. В противовес политическим организациям, рабочие должны организоваться на экономической почве. В построенную таким образом организацию политиканствующих элемент проникнуть не может, ибо у политиканов нет экономических интересов. Интеллигенту в большинстве случаев абсолютно неизвестны взаимоотношения труда и капитала на фабрике; он не знает, что такое рабочий день, он не знает, как чувствуют себя рабочие при входе и при выходе из фабричных ворот; интеллигент стоит в стороне от всего этого, все его стремления, вся его деятельность направлены в сторону парламентаризма, свободы слова, печати, и т. д. Интеллигенту чужда фабричная атмосфера также, как чужда рабочему атмосфера парламента. На этой именно станции и должны разойтись интересы рабочих и интеллигенции, если они до этого будут идти вместе, т. е. если рабочие и интеллигенция будут рука об руку бороться с капитализмом. Как только последний будет свергнут, интеллигенция, постарается захватить парламент, а рабочие—фабрики; и с этих пор интересы тех и других пойдут в диаметрально противоположном направлении, вследствие чего, рано или поздно, столкновение между ними неизбежно. Конечно, нельзя говорить без исключений, бывают и среди интеллигенции лица отвергающие парламент, но последних в общем счете незначительное число, да и из этого числа многие являются анти-

парламентаристами только на словах, а не на деле. Русская революция очень изобилует подобными явлениями. Значительная часть всех тех громометалелей, от чьих фраз содрогается весь мир, при первом соприкосновении с проблемой физического труда, пошла на смарку. Довольно печальная исто-

рия, но она неизбежна при существующем положении вещей. Пока существуют рабочие, как рабочие, интеллигенция всегда будет претендовать на интеллектуальное неравенство, и единственный выход из этого — это стать рабочим самим интеллигентами.

Автономов.

ИЗ ПЕТЕФИ.

Спишь ты, справедливость, или ты убита?
Кто служить свободе на земле стремится,
Кто в борьбу с неправдой выступил открыто,
Тот закован в цепи, тот в тюрьме томится.

Кто же губит в сердце лучшие стремленья,
С совестью вступая в сделки без стеснения,
Тот живет свободно, весело и сыто...

Спишь ты, справедливость, или ты убита?

В. Башки

ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ АНАРХИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ.

(ИЗ “Ф. А. Ш.”)

Корреспондентная комиссия итальянских анархических союзов разослала воззвание ко всем анархическим органам, которое заключается в следующем:

Т О В А Р И Щ И!

Из различных стран Европы мы получаем письма с требованием созыва Интернационального Анархического Конгресса. Объединенный Анархический Конгресс в Италии, который состоялся в июле 1920-го года, выяснил необходимость объединения анархических сил всех стран для того, чтобы опять создать Анархический Интернационал и там обсудить основные принципы, которые были выработаны на Амстердамском Конгрессе в 1907-ом году. Понятно, что имеется много затруднений и препятствий к созыву этого Интернационала, но мы думаем, что если мы возьмемся за работу — мы выполним возложенную на нас обязанность. Мы предлагаем также всем обсудить этот

вопрос и изложить свое мнение, а от себя предлагаем и думаем, что конгресс состоится осенью текущего года. Мы просим товарищей предлагать, какая, по их мнению, страна более удобна для этого Конгресса, и немедленно прислать свои дерективы, которые нам нужно иметь перед последним призывом. Мы согласны взять на себя работу по приготовлению к созыву, остальные же мелкие детали этой работы можно передать товарищам, той страны, где будет намечен Конгресс.

Что касается выбора страны, где конгресс будет состояться, то мы раньше предполагали Россию, но в виду последних событий, в виду ее отдаленности и невозможности свободно дискутировать вопрос о Революционной Диктатуре, она не подходяща, как и Италия с существующим политическим положением, для съезда анархистов. По нашему мнению лучше выбрать страну в центральной Европе: Германию, Австрию, Чехо-Словакию или же Гол-

ландию; все другие страны неподходящи: или потому, что слишком далеки, или же потому, что там нельзя свободно дискуссировать.

Что касается пунктов, которые бы разбирались на этом конгрессе, кроме самых важных, касающихся наций организации, направления и отношения к рабочим союзам, мы предлагаем разобрать вопрос и о "Диктатуре Пролетариата" и раз навсегда установить, что Анархизм — не только предсказание будущего безгосударственного свободного общества, но главным образом, практическое осуществление действием в настоящем нашего идеала.

Еще по поводу Инт. Ан. Конгресса.

Венская еженедельная анархическая газета "Эркентис унд Бефроунг" говоря об инициативе итальянских анархистов созвать Интернациональный Конгресс, приветствует итальянских товарищей и доказывает, как необходим этот конгресс именно теперь, "когда все социалистические революции с их методами насилия и власти являются полным провалом."

Только Анархизм, этот идеал СВОБОДЫ сумеет спасти пролетариат и все человечество, а потому нам нужно яснее осветить все принципы и тактику, в чем существенно может помочь Инт. Анарх. Конгресс.

В этой же самой газете говорится о группе, которая издает журнал "Аларм" в Гамбурге, и которая предлагает начать всю работу по созыву, если конгресс состоится там. Венские товарищи согласны с тем, чтобы конгресс состоялся в Гамбурге, ибо туда легко попасть со всех концов света и еще потому, что там имеется сильное анархическое движение. Венские товарищи предлагают 16-ое октября, этой осенью, т.-е. тотчас же по окончании немецкого Синдикалистического Конгресса в Дюссельдорфе, на котором

будут принимать участие многие из Анархистов; или же, что они думают еще лучше, 11-го ноября, к 34-ех-летней годовщине памяти Чикагских мучеников.

—o—

От Ред. колл. "ВОЛНЫ."

Приветствуя идею и осуществление Инт. Анарх. Конгресса, мы ясно видели и видим насущную необходимость и неотложность такового, в виду, того тупика, в который поставлены революционные силы всего мира, благодаря тактике социалистов; и, если не будет помехи, надеемся иметь делегата на Конгрессе от Федерации Ан.—Ком. групп Соед. Штатов и Канады. В вопросе о месте и времени мы видим, вообще, разумность созыва Инт. Конгр. в Европе, а в частности, присоединяемся к предложению Венских товарищей.

Вопрос об Анарх. Конгрессе обсуждался на Конференции районов гор. Нью-Йорка и окрестностей, и там было решено рекомендовать Федерации принять участие в Конгрессе, для чего группам и районам рекомендуется, обсудив этот вопрос на местах, немедленно снестись с Ред. Колл. и высказать свое мнение. В связи с посылкой делегата на Инт. Анарх. Конгресс ставится в наказ делегату, во что бы то ни стало, наладить связи с нашими товарищами в России, как самое необходимое условие успешного продолжения нашей работы вообще, и работы в Соед. Штатах, в особенности. За последние годы, в связи с революционными попытками покончить с эксплуатацией и насилием, практикующимися по всему миру, назрело много вопросов теоретического и практического характера, на которые Анархизм должен дать прямые и ясные ответы.

—o—

ВОЗРАЖЕНИЯ АНАРХИЗМУ

Джордж Баррет. (Продолжение).

Возражение № 3-ий.

Всякие перемены делаются медленно посредством эволюции, а не внезапно, как хотят сделать анархисты посредством революции.

Совершенно справедливо, что каждая большая перемена медленно готовится почти незаметным процессом эволюции. Иногда изменения, от начала до конца, происходят этим медленным процессом; но, с другой стороны, вполне ясно, что очень часто эволюция не спеша подводит к высшей точке напряжения, и тогда происходит внезапная перемена в положении вещей. Это так очевидно, что едва ли стоит останавливаться и развивать этот пункт. Почти всюду в природе мы видим двойной процесс: растение, которое медленно, очень медленно выпевает свой зародыш новой жизни, вдруг быстро выпускает их в новые условия, и когда они попадают в эти новые условия, — они снова начинают медленно изменяться. Чуть ли не смешной, но хороший образец этого, между многими другими, представляет маленький грибок, называемый *”pilo bolus“*. Он, медленно и скромно вызревая свои споры (зародыши), как и всякое другое обыкновенное маленькое растеньице, — внезапно выбрасывает, когда наступает момент, струю воды, а вместе с ней и споры, которая летит иногда на расстояние более трех футов, несмотря на маленький размер растеньица. Совершенно верно, что в этом случае необходимое давление развивается очень медленно; берет очень долгое время, пока условия незаметно назреют, и, при усилении давления, стенка клеточки уступит напору. Но, все-таки, приходит время, когда стенка не может больше растягиваться, — тогда она внезапно разрывается, и новые зародыши жизни с силой выбрасываются в новые для них условия и, согласно этим новым условиям, начинают развиваться далее.

Точно также и с положением общества. Всегда дух свободы медленно развивается в среде людей, а тирания неохотно пятится и уступает место этому новому развитию. Но наступает время, когда правительственная или тираническая часть не имеет достаточной эластичности, дабы растянуться так далеко, как напирала Свобода, развившаяся внутри. Когда этот пункт достигнут, давление нового развития разрывает узы, которые связывали его, — и происходит революция. В настоящем случае предлагаемые перемены так радикальны, что необходимо полное исчезновение правительственного элемента в обществе. Поэтому, вполне вероятно, что оно не будет кротно, ”растягиваться“ до ”такой степени“; особенно же, когда оно показывает себя готовым, при всяком возможном случае пользоваться насилием в его самой зверской форме. В виду этого большая часть анархистов полагают, что перемена будет внезапной, а поэтому мы и пользуемся термином ”революции“, признавая, что он не замещает термина ”эволюции“, но сопутствует ему.

№ 4-ый.

Для того, чтобы жить надо организоваться; а организоваться — это значит иметь правительство; поэтому анархизм — невозможен.

Это верно, что нужно организоваться для того, чтобы жить, а так как мы желаем жить, — мы и должны все по свободной воле организоваться, и не нуждаемся в правительственном принуждении к этому. Организация не значит правительство. Повсюду, в исполнении нашей обычной ежедневной работы, мы организуемся без правительства. Если двое из нас понесут стол из одной комнаты в другую, естественно, мы возьмемся за противоположные концы и едва ли нуждаемся в правительстве, чтобы поведать нам: не брать-

ся за один конец, дабы не перевернуть стол; причина нашего безмолвного соглашения и занятие правильных позиций — та, что мы оба имеем одну общую цель: мы оба желаем перевернуть стол. В более сложных организациях происходит та же самая история. Пока организации держатся вместе только общностью их интересов, их работа автоматически идет гладко. Но когда, несмотря на противоположные интересы, вы держите людей вместе, в общей организации, — тогда возникают внутренние раздоры и является необходимой какая-либо посторонняя сила для поддержки порядка; вы имеете, в действительности, общество с правительством.

Цель анархистов — организовать такое общество, где прекратятся столкновения интересов, и где люди будут кооперировать и работать вместе просто потому, что они имеют общие интересы. В таком обществе организации или учреждения, образованные ими, будут в точности согласоваться с их нуждами; в действительности это будет представительное общество.

Свободная организация более полно разбивается в ответах на вопросы 5-ый и 23

№ 5-ый.

Как урегулируете вы движение?

Мы не будем регулировать его. Это представится тем, чьи интересы более всего сопрягаются с вопросом, и кого он более занимает. Тем, кто пользуется дорогами, будет выгодней (ибо их интересы общи в этом деле) сойтись, потолковать и придти к соглашению относительно дорожных правил. Те правила, которые существуют в настоящее время, были установлены обычаем, а не законом, хотя закон и берется иногда поддерживать их.

Этот вопрос, мы видим, очень практически отвечается сегодня большими моторными клубами, в которые входят добровольно, и которые удовлетворяют интересы этой части движения. На опасных или людных углах ставится часовой, который мановением руки дает знать: свободен ли проезд, или же надо

двигаться тише. Ящики первой помощи и ремонтные мастерские устанавливаются вдоль дороги и принимаются меры для препровождения домой мотористов, повозки которых случайно поломаются.

Совершенно особая часть пользующихся дорогой, извозчики, — нашли такое же практическое разрешение вопроса. Существуют, да же и теперь, всякого рода понимания и соглашения между этими людьми о том, кто едет впереди и какую позицию занимает каждый во дворе или здании, где они работают. Между извозчиками на лошадях и автомобилях существуют те же самые писанные и неписанные соглашения, которые так же строго поддерживаются свободными пониманиями, как и под страхом наказания законом.

Предположите, что правительственное влияние снято с наших извозчиков. Поверит ли кто, что в результате будет хаос? Не более ли правдоподобно случится, что существующее теперь свободное соглашение распространится и покроет все нужное поле деятельности? А те немногие полезные обязанности в этом деле правительства, — разве они не могли бы более дельно проводиться свободной организацией самих извозчиков?

Этот вопрос был более полно отвечен в "Хлеб и Воля", Кропоткина. Там он показывает, как на каналах в Голландии движение (так существенное для жизни этой нации) контролируется свободным соглашением к совершенному удовлетворению всех заинтересованных. Железные дороги в Европе, указывает он, также кооперируют между собой и, таким образом, сливаются в одну систему, — не централизованным управлением, а посредством соглашений и договоров между различными компаниями.

Если свободное соглашение в состоянии сделать так много теперь, при системе конкуренции и правительства, — насколько больше сделает оно, когда конкуренция исчезнет, и когда мы доверимся нашим собственным организациям, вместо "отеческого" правительства.

№ 6-ой.

Если человек не голосует за революцию, как можете вы, анархисты, ожидать, что он выступит и будет сражаться за нее?

Этот вопрос спрашивается очень часто, и это единственное извинение, что на него приходится отвечать. С моей стороны, я нахожу обыкновенно достаточным внушить спрашивающему, что хотя я нахожу трудным вообразить, чтобы я голосовал за него; я не нахожу ничего неправдоподобного в том, что я могу пристрелить его.

В действительности возражение напрашивается на вопрос. Наш довод — тот, что голосовать за рабочего вождя на сиденье в парламенте — не значит голосовать за революцию. И потому что люди инстинктивно знают, что таким путем они не добьются свободы, — парламентаристы не в состоянии пробудить никакого энтузиазма.

№ 7-ой.

Если вы уничтожите конкуренцию, вы уничтожите побуждение к работе.

Одной из странных особенностей настоящего общества является то, что, в то время, как мы выказываем чудесную силу и способность производить изобилие богатств и роскоши, — мы не в состоянии снабдить себя простейшими необходимостями. Каждый, каковы бы ни были его политические, религиозные, или социальные взгляды, согласится с этим. Слишком очевидно оно, чтобы еще оспаривать его. С одной стороны — дети без башмаков; с другой — сапожники кричат, что они не могут продавать сработанные ими башмаки. С одной стороны люди голодают или живут на испорченной нездоровой пище, — с другой — торговцы провизией жалуются на плохую торговлю. Тут бездомные люди, спящие на тротуарах и бродящие каждую ночь по улицам наших городов, — и здесь же домохозяева жалуются, что никто не приходит и не живет в их домах. И во всех этих случаях производство задерживается потому,

что нет спроса. Разве это не невыносимое положение дел? Что можно говорить после этого о побудительных причинах к работе? Разве не очевидно, что настоящее побуждение ошибочно и вредно, доводя до такого пункта голода, нужды и разорения? То, что заставляет нас производить шелки, бриллианты, крейсера и безделицы, — в то время, как мы нуждаемся в хлебе, сапогах и домах, — вполне и абсолютно ошибочно.

Сегодня происходит свалка — конкуренция за большие барышни. Если более выгодно удовлетворить налетный каприз своей дамы, чем накормить голодных детей, — тогда соревнование толкает нас с лихорадочной поспешностью к ублажению первой, в то время, как холодная благотворительность, или же законы о бедных ”напитают“ вторых, или же можно и совсем забыть о них, если нет чувства. Вот как ведется вся процедура. Вот причина: производитель и потребитель — самые существенные элементы; постоянное течение богатства идет от одного к другому, но между ними стоит барышник с его системой конкуренции, и он способен отвести поток в какой только канал ему захочется. Сметите его прочь, и потребитель с производителем будут в прямых соотношениях один к другому. Когда он и его система конкуренции исчезнут, — останется одно только полезное побуждение работать: нужда и потребность людей. Нужда в общих необходимостях и высочайшей роскоши жизни будет не только основой, но и прямой побудительной силой позади всего производства и распределения. Ясно, я думаю, что это является идеалом, к которому мы идем; ибо только при таких условиях производство и распределение будут вестись с единственной ”законной“ целью — удовлетворения нужд людей, а не для чего-либо другого.

№ 8-ой.

Социализм или социал-демократия наступят раньше, а потом мы можем быть дойдем и до

анархизма. Работайте, поэтому, сначала для социал-демократии.

Это одно из часто повторяемых утверждений, которое, очевидно, не имеет в себе ни смысла, ни довода. Новейшие социалисты, или по крайней мере, социал-демократы, постоянно ратовали за централизацию и полную, совершеннейшую организацию и контроль властями сверху над народом. Анархисты же стоят за уничтожение центральной власти, думая, что свободное общество прорастет в жизнь снизу, начав с организаций и свободных договоров между самым народом. Трудно понять и видеть, как, сдав все под контроль центральной власти, мы сделаем шаг к уничтожению этой же власти!

№ 9-ый.

При анархизме в страну вторгнутся иноземные враги.

В настоящее время страна в руках у тех, кого мы считаем врагами — землевладельцев и капиталистов. Если мы сможем освободиться от того, что прочно установлено и чувствует себя дома в стране, наверное мы будем в состоянии успеть и против иностранной вторгнувшейся силы людей, которые сражаются не за свою собственную страну, а за недельную плату.

Надо помнить также, что Анархизм есть интернациональное движение, и если мы начнем революцию у себя в стране, то народ других стран сделается достаточно мятежным для их господствующего класса, который найдет более разумным попридержать свои армии дома.

№ 10-ый.

Мы зависим один от другого и потому не можем жить уединенной жизнью. Поэтому абсолютная свобода — невозможна.

Достаточно было уже сказано, чтобы показать, что мы не верим, что люди могли бы жить изолированно в свободном обществе. Для того, чтобы взять все от жизни, мы должны

объединиться; а для того, чтобы объединиться, мы должны вступить в соглашение с нашими товарищами-людьми. Но полагать, что такие соглашения ограничивают нашу свободу, — вполне нелепо; напротив, они — пользование нашей свободой.

Если мы изобретем догму, что вступление в соглашение вредит свободе, тогда сама свобода становится тираном, потому что она заставляет людей пользоваться самыми обыкновенными ежедневными удовольствиями. Например, я не могу гулять с своим другом лишь потому, что будет против принципа Свободы, если я соглашусь быть в определенном месте для встречи его. Я никаким образом не буду в состоянии повысить мою собственную силу выше той, что у меня есть, потому что для этого я должен объединиться с кем-нибудь еще, а кооперация подразумевает соглашение, — а это, по вашему, против свободы. Сразу видно, это возражение — нелепо. Я не ограничиваю свою свободу, а просто пользуюсь ей, когда я соглашаюсь с своим приятелем отправиться на прогулку.

Если же я, с другой стороны, решу, исходя из высшего моего знания, что было бы хорошо для моего друга сделать упражнение, и потому попробую заставить его идти на прогулку, — тогда я начну ограничивать его свободу. Это и есть разница между свободным договором и правительством.

(Продолжение в следующем номере)

— "Чего хочешь ты, человек? Делай то, чего требует природа. Иди вперед, если можешь, и не заботься о том, следят ли за твоей работой. Как, в самом деле, изменить внутреннее расположение людей? А без перемены в их мыслях, что можешь ты получить, как не рабов подъяремных, выказывающих лицемерные убеждения".

Марк-Аврелий.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

(Из записок наблюдателя)

Праздник день. В квартирах жарко; люди выходят на улицу и направляются в маленький парк, чтобы посидеть под тенью тощих деревьев и встретившись с знакомыми на досуге побеседовать. Район исключительно рабочий; лица все близкие, с которыми пришлось жить и работать долгие годы: нет на них ярко кричащих нарядов, а взгляд и походка каждого показывает близость к изнурительному труду. Собираются группами, каждая народность отдельно; ведут оживленные беседы и даже спорят. Вот группа поляков—блондинов, беседуют мирно, дальше австрийские галициане, евреи и русские, — все труженники-эмигранты. Направляюсь к ”своим“. О чем-то горячо спорят. Один, возбужденный и вспотевший, отходит в сторону: ”Ну вас к черту со своей идеей“, — вытирая пот сердито говорит он. — ”Централист“, — насмешливо доносится из группы по его адресу. ”Ерунда, а не идея“, — продолжает ворчать человек.

К нему подходит один из группы и мягко спрашивает: —

— Послушайте, вы за большевизм?

— ”Но“.

— Стало быть вы за анархизм; а я сперва заключил, что вы за большевизм“.

Нет, я и не за анархизм, — настойчиво отвечал первый, — потому что не признаю анархии и не люблю абсолютной свободы.

— Так за кого же вы?

— Я против власти и против анархии.

— Позвольте, может быть вы за коммунизм?

— Нисколько.

Ну, так вы против всех?

— Ну, и что же?

— Это невозможно. Допустим вы против власти, анархии и коммунизма, но вы должны быть чемнибудь! Вы не знаете сами, что вы

такое. Но вы наверное знаете, что в настоящее время среди нас рабочих идет борьба двух идей: одна идея социалистического государства и властных коммун, где всегда будет существовать власть и угнетение ею личности; другая идея анархии, свободного, безвластного коммунизма, где личность будет пользоваться свободой во всех своих проявлениях и досугом, для своего всестороннего развития, в чем и будет заключаться ее счастье. Вы же находитесь посредине, не признавая ни того, ни другого, и не имеете ничего определенного.

— Помилуйте! Я интернационалист, член И. Р. М.... — пытается возражать он.

Но разве социализм не интернационален? Или, разве анархизм не стремится к всемирному освобождению? Здесь вопрос прямой: признаете ли вы власть человека над человеком, или признаете полную свободу личности? Вы видите сами, что здесь нет середины, ибо между властью и анархией большая пропасть, между ними непримиримая борьба. И потому снимите повязку с ваших глаз и выберите одно из упомянутых двух: если вы любите свободу, то следуйте за анархией, если сознаете необходимость власти, то вам место у большевиков.

— Извините, — возбужденно топорщится спорщик, — мы стремимся освободиться экономически, перенять все фабрики и заводы в свои руки.

— А, так вы индустриалист! Но ведь и социалисты государственники тоже стремятся перенять фабрики и заводы от капиталистов. Но спрашивается, для кого перенять фабрики и заводы? Нет, здесь вопрос стоит так, что всякий, кто не признает свободы личности, обязательно спотыкается на ступеньки государства. Переняв фабрики и заводы, их надо устроить так, чтобы личность больше не была порабощена и могла бы брать из общей житницы все,

по своим личным потребностям. Вы говорите, что желаете освободиться экономически. Хорошо, но вы оставляете власть политическую, которая является краеугольным преткновением самостоятельности масс. Допустим, если вам И. Р. М. придется захватить орудия производства; думаете ли вы, что вы будете экономически освобождены? Если в настоящее время ваш один большой союз является властным центром, что будет тогда, когда производство будет под контролем О. Б. С.? Ведь этот самый союз приложит все старания, чтобы захваченным производством управлять; он должен будет издать ряд декретов, написать томы законов и организовать в своем О. Б. Союзе армию принуждения, чиновников, чтобы заставить массы идти так, как решит О. Б. С. У вас, И. Р. М. при разбирании какого-либо вопроса меньшинство должно покориться большинству, хотя-бы и одним членом. И если вы, тов., будете в том меньшинстве, будете ли вы тогда свободны? И потому не может быть одной экономической или политической свободы; они должны быть вместе.

Вот здесь-то и является анархизм, как наука и философия, чтобы показать человеку правильное направление, ибо долго он блуждал и верил всяким метафизикам и еще продолжает блуждать и верить им. Анархия является везде и всюду, ко всем угнетенным, чтобы они сознали свою силу. Это учение говорит человеку: посмотри вокруг, какие богатства окружают тебя; это все твое, иди и бери, не признавая частной собственности и власти; пусть гармония жизни зиждется только на добровольном соглашении единиц и общественных групп. И я говорю вам тов., что нечего бояться анархии-безвластия, это прямая смерть всем угнетателям, а для нас, угнетенных, путь к счастливому будущему.

Человек подумал, посмотрел в землю и, решившись, сказал:

Извиняюсь, я очень жалею, что мне не приходилось много думать об этом.

Они замолчали. Я отошел к группе спорящих...

И. Б.

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ- РЕЗОЛЮЦИЯ.

Прошло уже более полтора года, как Палмеровская банда разгромила все революционные организации в этой стране. Самых активных и передовых тов. депортировали в Россию, и вся свора кровопийц во главе с Палмером, злорадствовала, что избавилась от крамольников. Но напшилась тов., которые приложили все усилия и возобновили опять работу, хотя и менее количественную, но более качественную и революционную, чем раньше, и тем двинули вперед борьбу с капиталом и властью.

Мы, живя в медвежьем уголке этой страны, на горьком опыте убедились, что единственный метод к освобождению рабочих из-под ига Капитала и Власти — анархическая тактика, которая уничтожает с корнем все зло, что стоит на пути к полной свободе и равенству всех и каждого.

Мы, новоорганизованная группа А. К., всецело присоединяемся к Федерации А. К. групп и признаем "Волну" единственным нашим органом, из которого мы учимся и узнаем о зверских издевательствах, творимых Большевиками над Анархистами. Мы приветствуем "Волну" и желаем успеха до полной победы над всем подлым и гнетущим наших братьев рабочих.

Мы обращаемся ко всем угнетенным и поработанным рабочим; следуйте нашему примеру, идите под черное знамя Анархизма, который один поможет нам освободиться от всех пороков и угнетений. Не надейтесь ни на кого, а беритесь сами за дело. Ваше освобождение зависит от вас самих!

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует Анархический Коммунизм!

Группы А. К., Интернэйшинал Фолс, Мин.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА: ОТВЕТ НА ВОЗРАЖЕНИЕ.

Как и следовало ожидать, моя статья — ”Организованное насилие или диктатура в революции“ в № 17-м ”Волна“ — не осталась без возражений, а так как собственно говоря, и все назначение ее состояло именно в том, чтобы расколыхать заснувшую мысль, вызвать оживленный обмен мнений по затронутым ею вопросам, то, казалось бы, что цель моя вполне достигнута, что остается только радоваться той готовности с которою т-щ А. К. взялся опровергать доводы моей статьи. Но если мне и не приходится плакать, то и радоваться нечему. Т-щ А. К. совершенно не понял поставленных мною вопросов, а возможно не хочет, или даже не может их понять. Иначе трудно себе объяснить то удивительное искажение моих мыслей, вплоть до подмены их своими — к которому, по причинам мне неизвестным, прибег т-щ А. К. Я, конечно, далек от того, чтобы подобного рода ”полемический прием“ называть умышленным, но не могу и не признавать, что между ним и добросовестной критикой — ”дистанция огромного размера“.

Так напр.: т-щ А. К. в своем чрезмерном прилежании доказать разномыслие мое и повомирского в определении организованного насилия или диктатуры в революции — не находит иного способа для вящего подтверждения подобного и столь для него необходимого разномыслия, как совершенно голословное утверждение, что будто бы я признаю диктатуру революционного правительства, партии или отдельных лиц. Я не знаю где т-щ А. К. откопал столь несуразные, по его же собственным словам, признания, — но их нет в моей предыдущей статье, да и быть не могло, и поэтому все его возражения и выпады в этом направлении являются ничем иным, как только совершенно безобидной игрой в карточные домики — он их строит, он же их и разрушает.

Но не удовлетворяясь исключительно постановкой моих положений своими, т-щ А. К. старается еще и предвосхитить мои мысли вперед, ”угадать“ то, что я ”могу“ сказать, и, как это не смешно, даже форму, в какой я ”могу“ их изложить. Занятие — чудесное! Допускаю даже, что в некоторых случаях оно приносит не только пользу, но и значительную долю удовольствия для тех, кто в нем упражняется, но, признаюсь, что я не вижу никакого смысла в том, чтобы к нему прибегать тогда, когда у т-ща А. К. имеются положения моей статьи, против которых, и только против них, он и должен был бы направить свои критические удары, если не находит их правильными. Говорить же о том, что возможно ”но скажет т-щ В. народ буржуазен, он совершенно не понимает никаких идей, он отказывается защищать отобранную у помещиков землю (?? В.) и не дает в город хлеба“ (№ 18 ”Волна“ ст. 28) и т. д. и т. д. по моему мнению совершенно бесполезно и в высшей степени наивно, ибо как раз этого-то я возможно и не скажу, а раз это так, то и вся полемика т-ща А. К., основанная на предположении, что я именно скажу то-то и то-то и по такому то вопросу — опять таки им же самым превращается в комедию разговора одного человека с самим собой.

В некоторых из своих догадок т-щ А. К. подходит несколько ближе к вопросу, во всяком случае настолько близко, чтобы иметь возможность, хотя бы мимоходом и вскользь, высказаться о насилии в революции. Но удивительное явление! Чуть только он начинает касаться темы моей предыдущей статьи по существу, как им начинает овладевать, необъяснимая для меня, робость мысли, робость приводящая его к такого рода характерному противоречию: ”Может быть т-щ В. спросит

(скверно, когда не знаешь, что именно спросят! В.) могут ли анархисты обойтись в революции без насилия? Успеха мы никогда не предугадываем. Но мы признаем революцию насилием — иначе говоря, стихийную экспроприацию всех богатств для всех" (О диктатуре в революции № 18 "Волна" стр. 28). Очевидно т-щ А. К. сознательной, организованно проведенной экспроприации не признает. Очевидно, что и революционное насилие, которое по преимуществу и есть ничто иное, как, по словам самого же т-ща А. К., „стихийная экспроприация всех богатств для всех“, тоже должно быть стихийной, бессознательной, и неорганизованной для того, чтобы заслужить его благосклонное признание. Я совершенно не согласен с таким истолкованием взглядов анархо-коммунизма на революцию, мало того — я беру на себя смелость утверждать, что подобная точка зрения не имеет ничего общего с анархо-коммунизмом, и является ничем иным, как подменой его положений перлами фантазии т-ща А. К. и что это действительно так — справимся у П. А. Кропоткина: "Было бы грубой ошибкой думать, что идея экспроприации проникла в сознание всех трудящихся и стала одним из тех убеждений, из-за которых честный человек готов пожертвовать собой. Далеко нет! Миллионы людей никогда ничего неслышали об экспроприации, а если и слышали, то только из уст ее противников. Да и среди ее приверженцев как невелико число тех, которые ее понимают и исследовали со всех точек зрения!" (Р. Б-ка стр. 266) и далее (там же): предостерегая против различного рода революционных авантюристов, которые будут стараться исказить цели и задачи соц-ой революции, — он говорит: "Мы должны немедленно приняться за усердную пропаганду идеи экспроприации, чтобы отразить опасность; все наши слова и поступки должны исходить из этой основной идеи; понятие экспроприации должно проникнуть во все отдаленные уголки страны; оно должно обсуждаться в каждой деревне и стать для каждого рабочего, для каждого крестьяни-

на составной частью понятия анархия". Тогда и только тогда слово экспроприация вырвется в день революции из всех уст, станет грозным требованием всего народа; тогда мы будем уверены, что кровь народа прольется не даром." Вот каким путем и при каких условиях проведение нашей идеи экспроприации в жизнь представляется для анархиста возможным — не стихийно, не случайно и не под влиянием безотчетно действующих и совершенно слепых общественных сил, а через подготовку сознания масс, через пропаганду в духе анархо-коммунистической идеи экспроприаций, через координацию волевых импульсов всего восставшего народа для их проявления в определенном и ясно осознанном направлении.

Собственно говоря, для меня вообще довольно странным так кажется со стороны анархиста предпочтение стихийности действий человека — его сознательному вмешательству в ход исторических событий — для этого нужно обладать по меньшей мере изрядной долей упрямой веры в то, что все стихийное — "разумно", что все произойдет само по себе" и так, как мы этого хотим, но, признав "разумность" всего стихийного, нам в то же самое время придется тогда отказаться, раз и навсегда, от столь важных, по моему мнению, понятий анархической философской системы, как наше понимание "личной инициативы" и наше представление о значении революционного меньшинства, ибо сводя всю деятельность анархиста к "регистрации" стихийных явлений, которые он всегда "признает" — это значит свести и "личную инициативу" и роль "революционного меньшинства" — к нулю, уподобить их значение в революции — активности того заплесневелого обывателя, который думал что делает что-нибудь уже потому, что вертелся вокруг солнца вместе с землей.

"Когда наступят дни восстания — а от нас зависит их приближение, когда целые области когда большие города с их пригородками освободятся от правителей, мы, следуя начерченной нами программе, приступим к делу: орудия производства перейдут целиком в собственность

коммуны, общественное достоинство, захваченное частными лицами, будет возвращено своему законному владельцу народу“ (Р. Б-ка П. К-на, стр. 282). На этом я покончу с критикой моего критика и, предложив самому читателю, разобравшись в вышеприведенных словах П. Кропоткина, — уяснить себе — признаем ли мы стихийную экспроприацию или же экспроприацию, являющуюся следствием развития сознания той общественной силы, которая возьмется ее совершить по начертанной нами программе, и сводится ли роль революционного меньшинства к признанию ”стихийности осуществления экспроприации“, или же — к активному его вмешательству в дела социальной революции, вмешательству, от интенсивности которого будет зависеть не только успех нашей идеи экспроприации во время переворота, но и самое приближение дней восстания — я перехожу к теме моей предыдущей статьи.

В разрешение поставленной мною раньше задачи входило прежде всего, — установить несомненность признания насилия, как существенного элемента социальной революции — всеми нами известными теоретиками революционного анархо-коммунизма, и потом, проследив его превращение в организованное насилие — указать исторические причины необходимости его возникновения и ту его форму, которая может быть нами принята без всякой опасности. расхождения с собственными принципами. Понятно, что при такой постановке вопроса о насилии — не может быть и речи о нашем ”неравнодушии“ или же симпатии к нему — нет! Мы всегда были и будем за такую форму человеческого общежития, которая совершенно исключает, даже в самой незначительной мере, применение насилия и принуждения с кней бы то ни было стороны и по отношению к кому бы то ни было. Это и составляет всю цель наших стремлений, дорогую мечту, заветный идеал. Но сейчас, в данную минуту мы живем в рамках капиталистического господства, представляющего собою ничто иное, как определенную, жестокую до

изуверства, форму общественного гнета и давления над всеми трудящимися, поддерживаемую не только моральными, религиозными и ”научными“ предрассудками буржуазных устоев, но также и в самой значительной мере, грубой физической силой армии, полиции, жандармов и ищеек, всей сворою больших и маленьких ”сошек“ капиталистического организма, коих единственное назначение состоит в подавлении действием — всего свободного, нового, рвущегося из гнили и застоя — к жизни, на простор, к безграничному использованию своих сил в борьбе с правдой для безконечного творчества все новых и высших ценностей.

И мы признаем, что для успешной борьбы за будущее и для ниспровержения настоящего — насилие, если и является не единственным средством, то все таки одним из необходимых средств и первостепенной важности.

Отсюда, по моему мнению, можно и должно сделать следующее заключение: насилие исчезнет там и тогда — где и когда исчезнут и сами условия, вызывающие необходимость его применения, т. е. там, где уже капиталистическое господство с его институтами частной собственности и государства — окончательно разрушено, и наоборот — до тех пор пока будет существовать современный рабовладельческий ”порядок“ — применение насилия для успешной борьбы против него, для нарушения этого порядка и установления нашего ”беспорядка“ или гармонии интересов свободно сотрудничающих и столь же свободно развивающихся людей-личностей — явится неотложной задачей и самой настоятельной потребностью.

Но признавая насилие в революции — признаем ли мы, и если да, то создаем ли мы и определенную организованную форму этого насилия? Я говорю, что да. Если мы до сих пор почему либо не отдавали себе ясного отчета в этом, то это еще не меняет самой сути дела — мы, каждый день и каждую минуту, призывая рабочих к ниспровержению существующего строя насильственным путем — пред-

лагаем им организовать в союзы, группы и ячейки не только для того, чтобы наладить в будущем производство и потребление, объединившись на началах добровольного соглашения, равенства и свободы, но прежде всего и в первую голову для производства, сплоченного и организованного в их среде, на тех же самых началах свободы и равенства — революционного насилия над насильниками, экспроприации "экспроприаторов". Отсюда — наши идеи партизанских отрядов, повстанческих групп и всеобщего вооружения всего восставшего народа.

Это и есть та форма организованного насилия, которую мы признаем, отличающаяся от всех прочих форм, революционной армии, правительства и диктатуры отдельных лиц, уже тем, что функция применения насилия здесь сливается в одном лице с функцией производителя и творца всех богатств и для всех, что насилие здесь применяется непосредственно самим же тружеником-народом и, не в своей среде, где уже капитализм разрушен и существует равенство, а по отношению ко всему миру противников и врагов революции, в сфере капиталистического влияния, где ядовитые цветы государства и частной собственности еще не сорваны и по прежнему пышно цветут и распускаются. Конечно, это тоже еще не значит, что и положение "на всеобщем вооружении" или организованное насилие для сопротивления и нападения в рамках капиталистического общества — является нашим "идеалом", — мы с большей охотой перековали бы наши мечи и ружья — в плуги и косы — и занялись бы мирным трудом. Но если это когда нибудь и наступит, в чем мы не сомневаемся, то не так скоро и не сразу — для этого необходимо, чтобы революция вспыхнув в одном или нескольких местах, в короткий промежуток времени распространила бы область своего воздействия до общемировых пределов, и, уничтожив буржуазное господство везде и повсюду — этим же самым уничтожила бы и самую необходимость применения всякого

насилия вообще. Но если такое развитие соц-ой революции и является для нас очень и очень нежелательным, так как лишь только облегчает нам нашу революционную задачу, то допущение его возможности — представляется нам крайне проблематическим, более вероятным будет другое предположение, достаточно долго и часто повторявшиеся П. Кропоткиным: "Начало революции будет очень различно в различных местностях, точно также, как и ее дальнейшее развитие не пойдет одинаково в различных странах" и далее: "Что же касается того, примет ли она с самого же начала во всех европейских странах действительно социалистический (безгосударственный В.) характер, то в этом тоже можно сомневаться". (Хл. В. стр. 58). Это еще не значит, понятно, что мы должны ждать со своими революционным почином, раз имеется возможность где бы то ни было его проявить, только потому, что "общемировое сознание" еще не созрело для восприятия наших идей — совсем нет, — Нужно ли ждать пока идея коммунистической революции созреет у всех народов? Конечно нет! Да если бы мы даже этого хотели, это было бы невозможно, история не ждет запоздавших". (Хл. В. стр. 59 П. К.) Но представив себе размах соц-й революции ограниченными пределами одной местности или же одной страны — имеем ли мы право считать ее миссию уже законченной? — По моему — нет. Задачей соц-й революции является уничтожение капитализма и установление начал свободного сотрудничества — во всех странах. и до тех пор, пока этого нет — революция не закончена, она принимает только более длительный и перманентный характер, сохраняя всецело свою основную тенденцию разрушения мирового капитализма, а значит — и те средства какими она пользовалась и может только пользоваться в борьбе с ним, т. е. всеобщее вооружение участников коммуны или иначе говоря — "организованное насилие" или же "диктатуру" улицы и так на долго, как много времени потребуется для того, чтобы разбить

основы буржуазного общества везде и повсюду и этим самым, повторяю, уничтожить самые причины порождающие всякое насилие.

Я бы уподобил ход революции—точкам восстаний, все более расширяющимся в круги, на площади которых — существует равенство, свобода и добровольное соглашение всех составших групп, обществ и ячеек, но где по линии окружности, или же по периферии кругов — происходит ожесточенная борьба против всех врагов революции, борьба — иногда сменяющаяся периодами сравнительного затишья, но окончательное прекращение которой возможно только при полном торжестве коммуны и во всем мире,—ибо, по моему мнению, —мирное сотрудничество или сосуществование капиталистического общества и анархической коммуны, если она будет действительно таковой —является невозможным.

Такое понимание развития социальной революции в переводе на язык российской действительности выставляет для нас вполне конкретные требования: установление полного равенства и свободы среди рабочих в городах и среди тех крестьян в селах, которые хотят и уже подготовлены к восприятию идей анархи-

ческого коммунизма, их федерация на основе добровольного соглашения и всеобщее вооружение для проявления организованного насилия там, где это будет нужным, где его применение будет вызываться силою **необходимости**. Понятно, что народ будет это делать сам и на местах, в случае нужды призывая к себе на помощь всю силу и мощь всего восставшего народа, и столь же понятно, что и сама **необходимость** применения насилия будет определяться жизненными интересами анархической коммуны, а не потребностями мелкого собственника, не говоря уже о капитализме для которого у нас имеется только один язык—войны и разрушения.

И в конце концов так же понятно, что в случае неизбежности столкновения ее жизненных интересов с интересами других общественных групп с противоположными ей общественными началами — мы как анархисты и коммунисты бросим и свое значение на чашку весов того общества, которое проводит в жизнь принцип: “От каждого по способности — каждому по потребности”.

В.

ОТВЕТ НОВОМИРЦАМ.

Получив несколько статей с мест по поводу передовицы в номере 13-ом “Нового Мира”, “Анархизм в теории и на практике”, мы прекрасно понимаем возмущение товарищей ложью, инсинуацией и извращением общеизвестных фактов, дабы загрязнить идею Анархии. Делается ли это по повелению свыше: Ленина, Интернационала Московского, или же по наказу здешнего Ц. И. К. не важно, но ясно одно: несмотря на внешнюю дутую “научность” передовица является сплошным измышлением невежды, не разбирающегося в средствах и одинаково не понимающего ни Анархический Коммунизм, ни “Коммунизм” Большевицской партии.

Прежде всего выкидывается презабавный “фортель”: чтобы доказать желание анархистов размельчить производство, передовик (буду звать его так) ссылается на слабую сторону учения Прудона об устройстве общества взаимного кредита для того, чтобы дать всем возможность быть независимыми от крупного капитала. Эта часть его учения является непрактичной и, как таковая, была отвергнута и позабыта Анархистами; и если это были “реакционные попытки остановить ход развития капитализма” и “не увенчались успехом”, как торжествующе заявляет передовик “Н. М.”, то приходится только пожалеть.

Передовик льет крокодиловы слезы о преж-

девременном крушении капитализма и желает не уничтожения его, а развития в еще более совершенные формы. По его словам, Анархисты "никогда не отражали рабочего класса, а мелкую буржуазию и, так называемого, люмпен-пролетариата (босняка), которому плохо живется при капитализме..." Как видно, "рабочему классу" (а более всего "Передовикам") совсем недурно живется при капитализме, и говоря, что "Учение научного коммунизма вытекает из развития современного капиталистического общества; оно является отражением высшей формы развития капитализма — централизации всех средств производства и обращения", они дают нам совершенно новое понятие "их" коммунизма. Централизация капитала, по их словам, завершится только при "коммунизме". Бедный Маркс, как они его ни извращают, каких только выводов ни извлекли из его влечивых трудов! Итак, идеал передовика: выжать "по-Фордовски", посредством системы Тайлора (сдельной и шпичной работы) все, что возможно из рабочего, а так как при машинной напряженной работе затрата энергии будет велика, — то, естественно, сократятся и часы работы в пределах нужных паразитам управляющим, организующим и понукающим. Оправдывая концессии капиталу и мирные переговоры с ним, наш, неуважающий ни себя, ни своего мнения, передовик глупо сам валится в яму, говоря, что "Мировые империалисты нуждаются в передышке, ибо хозяйственная разруха заедает их и подтачивает устои капиталистического общества. Европейская буржуазия нуждается в российском сырье для улучшения своего хозяйства. Как только хозяйственное положение будет приведено до известной степени в порядок, мировой капитализм опять ополчится против Советской России, дабы сокрушить единственное пролетарское государство". Где, где ты, Ленин? Ведь за такую медвежью услугу учению Большевиизма камня на камне не оставил бы ты от недоумков, так неумело защищающих твою политику концессий. Им, видите ли, надо укрепить погибающий капи-

тализм, дабы он мог потом обрушиться на них снова. Концессии и договоры с капиталистическими державами отнюдь не являются борьбой с ними, а существенной поддержкой, не знающему где найти новые рынки, где найти выход из затруднительного положения, капитализму. А как забавно поясняет наш передовик отмирание диктатуры: "Диктатура пролетариата может быть упразднена лишь тогда, когда она будет устроена, по крайней мере, в так называемых "великих державах" и когда сопротивление мировых империалистов будет сокрушено". Будет упразднена тогда, когда будет установлена!? Приводя все предыдущие выдержки, я хочу лишь дать характеристику писак "Н. М.", хочу отметить факт, что невежество передовика, неистово защищающего капиталистическую систему в прошлом и поддерживающего ее в настоящем, провоцирующего и своих и наших, ниже всякой критики и потому я ограничусь пояснением, как смотрит Анархизм на вопросы теоретического и практического характера, нечаянно затронутые передовиком и "облыганные" им.

Заявление о том, что анархисты в прошлом хотели и защищали мелкое производство и поддерживали всякие "бунтарск.", реакционные выступления трудящихся масс", и противились организации пролетариата "в политическую партию, к захвату государственной власти и установлению диктатуры пролетариата", является фразеологией и нечистым методом возражения, чувствующего свое бессилие противника. Если рабочие и крестьяне (мелкие ремесленники, по выражению передовика) выступали и боролись против растущего и крепнущего капитализма, одновременно с борьбой против дворян-землевладельцев, — разве эти выступления были реакционны, разве они не являлись восстаниями угнетенных и эксплуатируемых, да и неужели классовая борьба с буржуазией была реакционна до появления на сцену "передовиков"? Не защитой мелкого производства руководились анархисты в борьбе с насильниками и грабителями, а желанием освободиться из цепких лап хищников, все бо-

лее и более закабаливавших трудящиеся массы; и не партийным захватом власти и установления диктатуры достигается свобода рабочего люда, (наглядный пример—России:), а разрушением государственной и всякой иной власти и недопущением какой-либо диктатуры. Так полагали анархисты раньше, так учит нас история и последние события в России, так мы полагаем и в настоящее время. В этом и состоит р а з н и ц а между анархическим коммунизмом и властным “научным” коммунизмом, а совсем не в том, какая форма производства будет у тех или других. Анархисты говорят и пропагандируют, что общественное, коммунальное производство даст больше досуга каждой личности для ее саморазвития и удовлетворения, и труд в анархическом обществе не может быть более тяжелым уже потому, что там не будет места паразитам, на которых идет большая часть богатств в капиталистическом и большевистском строе. Мы стремимся употребить все методы новейшей техники, и, усовершенствовав их, еще более облегчить труд человечества в будущем: но мы не хотим навязать насильно, а всецело предоставляем это заинтересованным труженикам. Централизация производства вопрос совершенно особый, ибо не в централизации производства суть, а в централизации управления им, и первое непременно влечет за собою второе, как говорит приведенная цитата передовика, что централизация в производстве в конечном результате приведет к “замене правительства над лицами распоряжением вещами и руководством процессами производства”, т. е. правящий аппарат будет восстановлен, только в новой форме. И действительно, как говорит в своей статье тов. Автономов: “Централизация в производстве и государство являются отдельными факторами до тех пор, пока государство не становится собственником средств производства; когда же это достигнуто, — тогда в центре производства становится Государство. Естественно, что анархисты против такой централизации так как она не способствует развитию производственных сил, но вре-

дит духу общего дела.” О “диктатуре пролетариата” много и толкового говорилось на страницах “Волны”, и я уже указывал абсурдный метод защиты ее передовиком, но утверждение, что диктатура подразумевает большинство — ложно, ибо большинству не нужна законная власть или диктатура для защиты от бессильного меньшинства, или как опять говорит в своей статье, не помещенной в виду ее громадного размера, тов. Автономов: “Диктатура, как воля известного класса, группы, или лица, выливающаяся в законную форму — государство, необходима лишь там, где меньшая сила господствует над большей, т. е. диктатура, как законный аппарат нужна меньшинству для угнетения большинства. Было бы крайне глупо слону создавать законы в ограждение себя от мухи!

Большинство, освободившись и почувствовав свою мощь и силушку, очень легко справится со всякими реставрационными попытками меньшинства”. Письмо Кибальчича отвечает на вопрос, в какой степени анархисты принимали участие в революции, говоря: — что “анархистское движение оказало огромную услугу революции, дало ей легионы героев”, а мы еще раз повторим, что ни анархисты, ни сам народ не сражались за какую-то диктатуру: первые зная, что диктатура есть смерть — конец революции, а народ не имел и имеет о ней в настоящее время отрицательно враждебное отношение. Диктатура не ведет к освобождению трудящихся, а к новому рабству. Выступая против рабочих союзов и крестьян, кого на самом деле представляет царящая в России, так называемая, Диктатура пролетариата? Мы прекрасно знаем, где нашли себе приют буржуазные агенты и буржуазная интеллигенция. Советские учреждения кипят ими, а в знаменитой Че-ке большая половина старых служаек третьего отделения, — плоды четырехлетней “борьбы” с буржуазией, результаты власти и диктатуры, собственности в руках государства. Анархисты всегда и всюду говорили о необходимости полной экспроприации всех богатств в пользу и распо-

ряжение всего общества, а не государства, и фразы о их сопротивлении "крупной" экспроприации и пользовании экспроприацией себе в карман — является огульной ложью, тем излюбленным средством, которое было употреблено прародителем "коммунизма", Марксом против Бакунина и завещано в пользование всем будущим марксистам.

Стараясь оправдать зверскую расправу большевиков в Москве над анархистами, передовик употребляет уловку царского правительства, называвшего всех революционеров-экспроприаторов, в том числе и анархистов, ворами и грабителями, но мы знаем, что все методы царского правительства употребляются и в настоящее время правительством "Коммунистической" партии в борьбе с революционерами. Анархисты первыми посягали на частную собственность всякого рода и указывали путь действия массам к полной и массовой экспроприации жилищ, пищи, одежды, фабрик, поместий, складов и всего, что нужно народу, непосредственно самим народом, не дожидаясь правительственных декретов, или захвата собственности государством. Идеи Анархизма не "потерпели крушения" ни в России, где Ленин во всю глотку кричит об опасности "синдикалистского, полуанархического уклона", ни в Германии, где товарищи деятельно работают по созыву Анархического конгресса; идеи Анархии лишь только теперь широко воспринимаются массами, которые разочаровались в воплощенных в жизнь доктринах "научного коммунизма" Маркса. Об отношении Кропоткина к советскому правительству лучше всего судить с его собственных слов, прочтя его сочинения и последнее его обращение к западно-европейским рабочим, где он советует избегать ошибок русской революции: установления диктатуры и революционного правительства, и предостерегает от их пагубных последствий, а не с какого то письма, какого то "видного" анархиста; и правительство, из политических соображений, лицемерно прикидывалось благосклонным к его личности, но показало свою истинную физио-

номию вскоре после его смерти, не допустив к участию на похоронах заключенных в тюрьмы анархистов, желавших отдать последнюю честь маститому товарищу и учителю, запретив издание и распространение его трудов и забрав даже венки с его могилы для каких то других похорон.

Нет, Кропоткин не был "нейтрален" в существенных вопросах о собственности власти, а до конца дней своих был последовательно отрицательным к устанавливающейся форме собственности и диктатуре. Анархизм не пошел на компромиссы с государственным социализмом или коммунизмом и не пойдет, и мы уверены, что будущее принадлежит этому великому идеалу Анархии.

Что такое — большевики? Часть социал-демократической партии, которая существовала до революции не 20 лет, а 14, и которая теоретически и практически осталась той же социал-демократией, хотя и восприняв более революционную тактику. Ленин и Троцкий очень недавно окрестили себя коммунистами (но стали же они ими от одного этого факта), лишь потому, что в семейке завелось слишком много пакостей, что имя, социалист, стало в устах рабочих синонимом — изменника и предателя; но ведь названием сущности не изменишь, а вводить в заблуждение массы не годится. Так что не вымысел и не ложь, миленькие, а чистейшая правда сказать, что социалист-государственник и коммунист-государственник суть понятия тождественные, сливающиеся. Из примера капиталистических держав мы видим, как искусно и умело управляет нами маленькая кучка финансовых тузов, да и Ленин советует английским рабочим не ожидать большинства, а удовлетвориться 15-ю процентами населения, чтобы совершить революцию, да и коммунистические "тузы", создав себе могучее орудие в форме армии и полиции, правят твердою рукою и долго, долго будут держаться, если не препятствовать им. Поэтому уверение, что 700.000 коммунистов не могут управлять 130-и миллионной страной — ошибочно. Да, и экая память то у вас

дрянная. Чем же и держалось самодержавие в России, как ни всеобщим страхом, всеобщей дисциплиной, а особенно армии и охраны? Ведь чуть ли не все общественные группы были против него, а оно держалось и цеплялось до тех пор, пока его не смели дружным усилием. Потом, вы говорили, что анархисты за революцию, но против диктатуры, — и вдруг выводите заключение, что они защитаки ”угнетенных“ (какая жалость) капиталистов, на стороне империалистов и т. п. Ну, где же та интеллигентность, присутствием которой в коммунистической партии вы гордитесь? Да и где вы обитаете? На Марсе, что ли, что не знаете таких простых истин, что не для ”шпионов, паразитов и агентов буржуазного класса“ закрыты границы, а для нас, рабочих и крестьян; паразиты же, вожди коммунистов, агенты буржуазии, врангелевцы и контр-революционеры-интеллигенты так и прут туда гужем, ложась бременем на наших товарищей, тружеников. Трудовая повинность, вопреки мнению передовика, совсем введена не для богатых классов и интеллигенции, они и сейчас не заняты каким либо производительным трудом, а бездельничают в советских учреждениях и тунеядствуют. Вполне правильно определив, что ”трудовая повинность ведет за собою трудовую дисциплину“, передовик сам попадает в противоречие; а в интересах ли трудящихся дисциплина, т. е. палка, которой их бьют в ”пролетарском государстве“, позвольте знать самим трудящимся, которые протестуют против нее: и через своих рабочих представителей (рабочая оппозиция), и посредством восстаний и забастовок против ”пролетарского государства“.

Мы всегда полагали, что ”освобождение рабочих есть дело самих рабочих“, что они сами в состоянии определить свои интересы, без помощи навязывающих свою ”нерабочую“ волю ”организаторов и управляющих“. Интересы анархистов идут не в разрез и не наносят ущерб трудящимся, а всецело импонируют им и гармонируют с ними, а именно: Основать

общество без принуждения, на общности интересов личностей, входящих в него, без правителей-паразитов, чиновников, комиссаров, организаторов, претендующих на большую долю общественных богатств, — а равных и вольных сотрудников. Мы надеемся, что искренние люди поймут всю ложь и необоснованность выпадов против Анархизма наемных псов большевизма и не испугаются их криков: ”Волк! Волк!“

.. Свобода, Равенство и Братство страшны лишь рабам и тиранам!

ВИД.

—O—

”Государством называется самое холодное из всех холодных чудовищ. Оно холодно лжет, и ложь ползет из уст его. — ”На земле нет ничего больше меня: я — упорядочивающий перст Божий“. — Так рычит чудовище. И не одни длинноухие и близорукие опускаются на колени!“

Ницше ”Заратустра“.

—O—

”Кто не думает сам по себе, тот подчиняется мыслям другого человека. Подчинять комунибудь свою мысль более унижительное рабство, чем подчинить комунибудь свое тело. Думай сам своей головой и не заботься о том, что скажут о тебе люди.“

Сенена.

—O—

”Люблю-ли я прошлое? Я уничтожал его для того, чтобы жить. — Люблю-ли я настоящее? Я отворачиваюсь от него для того, чтобы быть в состоянии жить.“

П. И. К., Ницше.

—O—

ОТЧЕТЫ.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАТИВНОГО СЕКРЕТАРЯ С

Приход от выручки "В".

От старой Ред. Кол. принято..	231.69
Из г. Гат—да за № 14 "В." ..	10.50
" " О—е шт. за "Св. О-во" ..	15.50
" " Дет-го район за "В" ..	100.00
" " Брид-т за "В"	7.05
" " Нью Г-ен за "В"	44.40
" " Гат-д за "В"	10.50
" " Брид-т за "В" № 15 ...	9.75
" " Бринд-т за "Св. О-во" № 3	9.15
" " Нью -рк за "В"	42.10
" " Нью -рк за "Св. О-во" ..	35.00
" " Бал-ре за "В" №№ 9—10	36.80
" " Бал-ре за "В" №№ 12-13	20.40
" " Бал-ре за "В" № 14 ...	21.90
" " Вим-тон за "В"	3.75
" " Эмб-ч за "В" № 14	20.25
" " Чес-р за "В" № 16	14.70
От А. К. гр. Вот—ри	32.75
" " Саут Б—ем за №№ 14-15	7.35
" " Фил—я	5.55
" " Дет—т	75.00
" " Брм—д	25.00
" " Гат-д	15.75
" " Мед—н	1.65
" " Дет—т	18.85
" Через Н—к за "В." и "С О."	23.70
" " Кли—д	57.50
" " Брич—т	13.05
" " Бал—е за "В" и "С О."	32.70
" " Че—р за "В" № 15 ..	15.00
" Ан—ния	18.70
" Брум—л.	20.00
" Чес—р. № 17.	15.00
" Н. С. за С. об. и "В"	59.20
" Кли—д. "В" № 15.	4.80
" " " " № 16	19.95
" " " " № 17	11.25
" " " " св. об.	11.40
" " " " К. А.	18.15

Итого 1135,84.

1-го АПРЕЛЯ ПО 20-ое ИЮНЯ, 1921 г.

ДОБРОВ. ПОЖ. В ПОЛЬЗУ "ВОЛНЫ"

Из гор. Нью-Йорк от тов. П. К.	1.00
" Бал-ре В. П. — —	5.00
" Бал-ре Н. С. — —	10.00
" Бал-ре "Дж". — —	1.00
" Бал-ре И. К. — —	1.00
" Бал-ре Е. Ш. — —	2.00
" Бал-ре И. М. — —	1.00
" Бал-ре из групп кассы —	0.90
Из города Саут-Бен по чек. кн.—	3.50
" Гарт-д от т. Д-це-ат —	0.50
" " К. Ка—цкий — —	1.50
" " П. Кр—овский — —	2.00
" " Ф. Кречук — —	2.00
" " К. См—ов — —	2.00
" " Г. Се-в-юк — —	5.00
" " И. Во-л-ов — —	5.00
" " Ю. Ка-р-ик — —	6.30
" " Гр. Кротович — —	7.30
" " Ба—е К. гр. — —	40.00
" " Эмб—ч — —	25.00
" " Ан—ния — —	50.00
" " М. К—ка — —	5.00
" " Рит—н — —	11.50

Итого — — 188.50

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИХОД.

От старой Редак. Кол. — —	451.50
" " Брид-та — —	81.06
" " Ф. С. Ка-да на изд. литературы на английском языке —	220.00
От А. К. г. С-ем за Г. Е. Р. —	3.60
" " Ели—т фонд — —	50.00
" " Кли—д выручка — —	26.60
" " Пт—г фонд — —	25.00
" " Кли—д выпр. — —	24.41

Итого — 882.17

—0—

РАСХОД ПО ИЗДАН. Ж. ”ВОЛНЫ“.

Наборщику за № 16	—	—	70.00
Издание резолюций 3-го Ф. С.	—	—	27.00
Рассылка резолюций	—	—	0.86
Проезд ликвидац. ком. лит. гр.	18.00		
Бумага для перевода статей	—	—	1.10
Почтовые расходы	—	—	5.70
Две записные книги	—	—	0.45
Веревка для упаковки	—	—	1.30
Трамвайные расходы	—	—	3.00
Проезд в Нью-Йорк два раза	—	—	20.00
Печать и бумага на №16 ”В“.	160.00		
Пользов. набодн. машин	—	—	20.00
Два чемод. для пересылки ”В“	2.00		
Экспр. за доставку ”В“	—	—	2.00
Рассылка ”В“	—	—	6.00
Проезд в Нью-Йорк три раза	—	—	26.00
Экспр. за доставку ”С. О.“	—	—	3.50
Пересылка ”В“ и ”С. О.“	—	—	4.65
Почтовые расходы	—	—	5.20
Трамвайный проезд	—	—	4.25
Клише провокатора Жука	—	—	3.25
Два словаря	—	—	3.10
Упаковка ”В“	—	—	1.50
Перевоз мет.	—	—	1.00
Набор ”В“	—	—	40.00
Наборная машина	—	—	20.00
Печатание ”В“	—	—	110.00
Расход ред—ро	—	—	60.00
Экспр. № 17	—	—	2.30
Посылка в Пи—г	—	—	0.32
Почтовые расходы	—	—	2.00
Писч. прибор.	—	—	1.25
Экспр. св. об.	—	—	2.45
Набор № 18	—	—	45.00
За машин.	—	—	30.00
Печатание и бумага	—	—	110.00
Перевоз. металл.	—	—	1.00
Упаковка	—	—	1.50
Проезд. ред—ра	—	—	3.50
Веревка	—	—	0.50
Расход ред—ра	—	—	51.30
Пересылка ”В“ № 18	—	—	3.20
Трам. расх.	—	—	1.75

Итого — 876.53

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСХОД.

На изд. книги Элцб. бум. и печ.	390.00
„ Коректура	— — — 35.00
„ Переплет	— — — 230.00
„ Упаковка	— — — 8.00
„ Отправка на станцию	— 5.20
„ Экспр. за достав. на место	— 12.00
„ Проезд в Н. И. по делу Эльц	10.00
„ Выд. на изд. лит. на англ. яз.	220.00

Экспр. за достав. Эльц. пер.	— 8.20
Упаковка	— — — 4.30
Экспр. за дост. ”М. А. К.“	— 7.79
Рассылка	— — — 9.82
Упаковка	— — — 3.65
Два чемодана	— — — 2.00
За возвр. из Кли—да	— — 3.40
За возврат. лит.	— — — 2.48

Итого — 951.84

Прих. по ”В“	— — — 1324.34
Расход „	— — — 876.53

Итого остат. — 447.81

Приход по литер.	— — — 882.17
Расход по литер.	— — — 951.84

Дефец. — 69.67

Имеется в кассе на 20-ое июля 1921

год — — — — 378.14

Ревиз. ном.: В. К., А. В., В. Я., Г. Ц

**В РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ИМЕЮТСЯ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ.**

- П. А. Кропоткина—Хлеб и Воля.
" " " Речи Бунтовщика
" " " Взаимная помощь
" " " Поля, Фабрики и Мастерские
" " " Анархия, ее философия и идеал
" " " Нравственные начала анархизма
" " " Современная наука и анархизм
" " " Анархия
" " " Государство и его роль в истории
- Жан Грва — Умиравшее общество и анархия
" " " Будущее Общество
- М. А. Бакунина—Избранные соч. т. 1-й
" " " Бог и государство
- Новомирский—Манифест анархистов коммунистов
" " " Из программы синдикального анархизма
" " " Что такое анархизм
- А. Карелин — Политическая экономия
" " " К вопросу о коммунизме
- Дж. Г. Маккай — Анархисты
- П. Эльцбахер — Анархизм
- Лео — Почему и как мы приближаемся к анархии
- Раевский — Анархо-синдикализм и "крит". синдикализм
- Малатеста — В кафейне
- А. Роллер — Всеобщая стачка и социальная революция

Кроме упомянутых имеется много разных мелких брошюр. Получать можно: непосредственно от Ред. Колл. и от групп на местах.

